Александр Кырлежев

«Дело о распятиях» в Европейском суде — в постсекулярной перспективе

Alexander Kyrlezhev

„The Case of Crucifixions“ in the European Court: a Postsecular Reading

Alexander Kyrlezhev — Consultant of the Synodal Biblical and Theological Commission of the Russian Orthodox Church. kyrlezhev@gmail.com

This article is devoted to the analysis of the case about the presence of crucifixions in public schools («Lautsi and others v. Italy») in European court for human rights (and the prehistory of this case). The author concentrates on the logic of participants of this case and analyses this logic in a broad cultural and ideological context. On the base of the ECHR decisions for the «Lautsi case» three positions and three corresponding groups of actors are outlined: strict secularists, representing projective ideology; soft secularists, orienting on culture and representing reactive ideology; and the followers of religious ideology. This last group in current postsecular situation, characterized by new ideological struggles, tend to form alliance with the second group. The postsecular reading of this case allows author to certify the crisis of traditional European secularism and of the sense of justice in the sphere of interaction between religion and society.

Keywords: European court on human rights, law, law enforcement, religious symbol, religion, ideology, secularism, postsecular.

Рассмотрение в Европейском суде по правам человека дела «Лаутси против Италии» представляет собой весьма интересный и важный прецедент. Прецедент не только в узком смысле «судебного прецедента», то есть такого постановления суда, которое становится образцом для последующих судебных решений по аналогичным делам и потому — одним из ис-

точников права. Вся история с «делом о распятиях» — начиная от разбирательств в национальных итальянских судебных инстанциях и кончая двумя, прямо противоположными, решениями в Европейском суде по правам человека — это такая «история с правоприменением», которая обнаруживает некое нестабильное, неопределенное и подвижное «состояние дел» в сфере соотношения права и разных проявлений религиозности/антирелигиозности на нынешнем этапе европейского развития.

Можно сказать больше: этот казус указывает на кризис, а точнее — кризисы: во-первых, европейского правового сознания в указанной области; во-вторых, европейского «культурного сознания»; и, в-третьих, доминирующей европейской публичной идеологии.

Порядок этих «кризисов» можно менять и, скорее всего, следует менять, поскольку «Лаутси-кейс» выводит нас из чисто правовой сферы и ставит вопрос о *философии* ныне действующего права — в конкретной тематической области. Ибо противоположные решения ЕСПЧ по «делу Лаутси» невозможно осмыслить, оставаясь исключительно в сфере международного права и в пространстве «птичьего языка» юриспруденции.

На наш взгляд, это потенциально плодотворная ситуация. Она обращает внимание на вопрос о соотношении права и того контекста, в котором осуществляется правоприменение. То есть возвращает к «началам», к самим основаниям права как специфического регулятора (одного из регуляторов) общественного бытия.

Но прежде чем мы попытаемся проанализировать рассматриваемый случай с более широкой — религиозно-общественной, «культурологической» — точки зрения, следует остановиться собственно на обстоятельствах дела, которые недостаточно известны у нас, особенно в подробностях.

Обстоятельства дела

27 июля 2006 г. гражданка Италии Сойле Лаутси подала жалобу в Европейский суд по правам человека против Итальянской Республики, указав, что действует от своего имени и от имени своих детей Датайко и Сами Альбертина (в то время они были несовершеннолетними, но позднее перешли в статус заявителей, так что во втором рассмотрении дело стало именоваться «Лаутси и другие против Италии»).

Суть жалобы состояла в следующем. В 2001/2002 учебном году дети Сойле Лаутси посещали «Государственную общеобразовательную школу Витторино да Фельтре» (*Instituto comprensivo statale Vittorino da Feltre*) в г. Абано-Терме (*Abano-Terme*; область Венето, провинция Падуя), где на стене каждого из классов имелось распятие. Сначала заявительница, а позже заявители утверждали, что это нарушало их право на образование, гарантированное статьей 2 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция или ЕКПЧ)[1]. Они также утверждали, что эти факты нарушили их право на свободу мысли, совести и религии, зафиксированное в статье 9 Конвенции[2]. 3 ноября 2009 г. Палата Второй секции Европейского суда рассмотрела жалобу и единогласно приняла решение в пользу заявительницы[3].

Правительство Италии ходатайствовало о передаче дела на рассмотрение высшей инстанции ЕСПЧ — Большой палаты. В качестве третьих лиц во втором рассмотрении дела получили разрешение участвовать ряд правительств европейских государств, неправительственных организаций, а также группа членов Европарламента[4]. В результате двух заседаний (30 июня 2010 г.

1. «Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям».

2. «1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. 2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

3. См. Case of Lautsi v. Italy (Application no. 30 814/06) 3 November 2009 [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search. aspx? i=001–95 589, доступ от 22.05.2013].

4. В параграфе 8 постановления Большой палаты читаем: «Разрешение на участие в письменной процедуре (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 2 правила 44) было дано 33 членам Европейского парламента, действующим совместно, неправительственной организации „Греческий хельсинкский монитор“, которая ранее участвовала в рассмотрении дела Палатой, неправительственной организации „Национальная ассоциация свободомыслия“ (*Associazione nazionale del libero Pensiero*), неправительственной организации „Европейский центр права и справедливости“, неправительственной организации „Еврюрис“ (*Eurojuris*), неправительственным организациям „Международный комитет юристов“, «Интеррайтс» и „Хьюман райтс уотч“, действующим совместно, неправительственным органи-

и 16 февраля 2011 г.) Большая палата ЕСПЧ приняла окончательное постановление по делу, отклонив иск заявителей, то есть отменив предыдущее решение Суда[5].

Ниже, опираясь на тексты первого и второго постановлений Европейского суда, мы изложим *логику сторон*, имея в виду это дело в целом, то есть содержательный аспект иска и соответствующие реакции различных судебных инстанций, в том числе итальянских.

Поэтому следует кратко сообщить о предыстории «дела Лаутси» в Европейском суде.

Впервые соответствующие претензии относительно размещения распятий в школьных классах были выдвинуты мужем Сойле Лаутси в апреле 2002 г. непосредственно в адрес школьной администрации, которая позднее их отвергла (на совете управляющих школы в результате голосования — 10 за, 2 против, 1 воздержавшийся).

В июле 2002 г. С. Лаутси обжаловала это решение в административном суде Венето «в связи с нарушением принципа секуляризма»[6].

В октябре 2002 г. в разбирательстве по этому делу принял участие министр образования, университетов и исследований Италии, который заявил о необоснованности жалобы, ссылаясь на действующие в Италии правила[7]; более того, несколькими неделями ранее сам министр издал особую директиву, в которой обязал соответствующие органы образования обеспечить наличие распятий в школьных аудиториях.

зациям „Центральный комитет немецких католиков“ (*Zentralkomitee der deutschen Katholiken*), „Общественные недели Франции“ (*Semaines sociales de France*) и „Итальянская ассоциация христианских работников“ (*Associazioni cristiane lavoratori italiani*), действующим совместно, и властям Армении, Болгарии, Кипра, Российской Федерации, Греции, Литвы, Мальты, Монако, Румынии и Сан-Марино. Властям Армении, Болгарии, Кипра, Российской Федерации, Греции, Литвы, Мальты и Сан-Марино было также разрешено совместно принять участие в устной процедуре».

5. См. Case of Lautsi and others v. Italy (Application no. 30814/06) 18 March 2011 [http://www.echr.coe.int/echr/resources/hudoc/lautsi_and_others_v__italy. pdf, доступ от 22.05.2013].

6. Сославшись при этом на нарушение статей 3 (принцип равенства) и 19 (свобода религии) Конституции Италии и статьи 9 ЕКПЧ, а также на принцип беспристрастности публичных административных органов (статья 97 Конституции).

7. Статья 118 Королевского декрета № 965 от 30 апреля 1924 г. (внутренние правила средних школ) и статья 119 Королевского декрета № 1297 от 26 апреля 1928 г. (утверждение общих правил, регулирующих начальное образование).

Административный суд Венето поставил перед Конституционным судом вопрос о конституционности действующих в Италии правил (подтвержденных в особом декрете 1994 г.), касающихся размещения распятий в школьных классах, с точки зрения светского характера государства и ряда статей Конституции. Однако Конституционный суд отклонил этот запрос на том основании, что в данном случае речь шла не о законах, а лишь о правилах.

В марте 2005 г. административный суд отклонил жалобу С. Лаутси, которая в ответ обратилась в высший административный суд — Государственный совет, но тот подтвердил предыдущее судебное решение (о мотивировках — ниже).

Лишь после всей этой итальянской «истории с правоприменением» С. Лаутси подала в июле 2006 г. жалобу в Европейский суд по правам человека.

Важно отметить, что итальянская предыстория «дела Лаутси» отражена в обоих решениях ЕСПЧ. Разница лишь в том, что в тексте первого решения ее изложение занимает полторы страницы, тогда как в тексте второго решения — более шести страниц с пространным цитированием мотивировочной части соответствующих судебных постановлений, а также аргументации вышеупомянутого министра.

Нас будет интересовать не столько юридический, в том числе процедурный, аспект рассматриваемого казуса, сколько, прежде всего и по преимуществу, аспект содержательно-идеологический. Для этого мы остановимся, как было сказано выше, на логике, которую предложили различные участники этого долгого процесса — сначала «национального», а затем «европейского».

Далее мы последовательно изложим различные позиции, за которыми стоит определенная интерпретация рассматриваемого вопроса: (1) логику *итальянских* судов; (2) *логику в пользу заявителя*: самого заявителя (заявителей) в первом и втором рассмотрении дела; Суда в первом составе, принявшего решение в пользу заявителя; третьих лиц во втором рассмотрении; (3) *логику против иска заявителя*: правительства Италии во втором рассмотрении; третьих лиц в поддержку Италии; Суда во втором составе, отклонившего первое решение. Затем (4) будут кратко изложены особые мнения судей в пользу и против окончательного решения Суда (мы вынесли их в отдельный раздел, поскольку хотя они и опубликованы в официальном постановлении Суда, но именно в качестве приложения — после самого судебного решения).

Логика итальянских судов

Административный суд Венето

Мотивируя свое решение, суд указал на «нить, связывающую христианскую революцию двухтысячелетней давности и утверждение в Европе права на личную свободу и ключевых элементов Просвещения (несмотря на то, что это движение с исторической точки зрения решительно противостояло религии), а именно свободы и неприкосновенности каждого лица, провозглашения прав человека и в конечном счете современного светского государства». Отнеся принципы человеческого достоинства, терпимости и свободы, включая религиозную свободу, к ядру христианской веры как одного из источников светского характера государства, суд указал на то, что «в современной общественной реальности распятие следует рассматривать не только как символ исторического и культурного развития и, следовательно, идентичности нашего народа, но также как символ системы ценностей... на которых зиждется наша Конституция». Соответственно, суд отметил, что «было бы неким парадоксом исключение христианского знака из публичного учреждения во имя секуляризма, одним из отдаленных источников которого является как раз христианская религия».

Кроме того, отметив, что в настоящее время итальянские государственные школы посещают немало учеников не из Европейского союза, которым важно передать принципы открытости к многообразию и отвержения религиозного или светского фундаментализма, суд заявил:

> Наша эпоха характеризуется брожением, вызванным соединением различных культур с нашей, и предотвратить превращение этого соединения в столкновение крайне важно для подтверждения нашей идентичности, даже символического, особенно если она характеризуется именно ценностями уважения достоинства каждого человеческого существа и всеобщей солидарности.

Далее суд выразил мнение, что «логический механизм исключения неверующего присущ всякому религиозному убеждению», однако «единственным исключением является христианство — когда оно понимается надлежащим образом», поскольку «в христианстве даже вера во всеведущего Бога является вторичной

по отношению к милосердию, что означает уважение к другим человеческим существам». Поэтому «крест как символ христианства не может исключать кого-либо, не отрицая себя»; более того, он является «универсальным знаком принятия и уважения всякого человеческого существа как такового, независимо от вероования, религиозного или иного».

Государственный совет (высший административный суд)

В мотивировочной части суд остановился на специфике той формы секуляризма, которая присуща итальянскому государству. Суд подчеркнул, что «секуляризм является высшим принципом нашего конституционного порядка», который хотя и «не провозглашен в ясных выражениях нашей Конституцией», но выводится из ряда ее статей (2, 3, 7, 8, 19, 20). Далее суд отметил, что используемый для выражения этого принципа лингвистический символ («секуляризм») в сжатом виде указывает на определенные положения, содержание которых определяет условия применения (*operating conditions*) этого символа, то есть то, как его следует понимать. В отрыве от конкретных условий применения принцип «секуляризма» оказывается ограниченным сферой идеологических конфликтов и с трудом может использоваться в правовом контексте. А в этом контексте, как указал суд, условия применения определяются культурными традициями и обычаями каждого народа, поскольку эти традиции и обычаи находят свое отражение в правовом порядке, и у разных народов они не совпадают.

Относительно распятия суд отметил, что этот символ имеет много значений, служащих разным целям. Собственно религиозным символом распятие является в пространстве богослужения, тогда как в нерелигиозном образовательном пространстве его демонстрация «может представлять и пробуждать… ценности, важные для гражданского общества», в том числе отражающие «наш конституционный порядок», а потому «исполнять — даже в „секулярной“ перспективе… — высокую образовательную символическую функцию, независимо от исповедуемой учениками религии».

Далее суд обратил внимание на то, что «в Италии распятие выражает — конечно, символически, но надлежащим образом — религиозное происхождение этих ценностей: терпимости, взаимного уважения, ценности личности и подтверждения ее прав, уважения ее свободы, автономии ее моральной совести перед ли-

цом власти, человеческой солидарности и отвержения любой дискриминации — ценностей, которые характеризуют итальянскую культуру». Эти ценности, согласно мнению суда, «пронизывают традиции, образ жизни, культуру итальянского народа, образуют основу и вытекают из фундаментальных норм нашей основополагающей хартии... », определяя «форму секуляризма, присущую итальянскому государству».

Далее суд одновременно утверждает как религиозное (христианское) происхождение вышеуказанных ценностей, а именно их «трансцендентные источники», так и автономию земной (*temporal*) власти по отношению к власти духовной — однако не их противопоставление, которое предполагается идеологической интерпретацией секуляризма, несвойственной итальянской Конституции. Суд утверждает светский, или гражданский, характер этих ценностей «независимо от приверженности учению, которое их вдохновляет и защищает». Соответственно, по логике суда, распятие в школе следует рассматривать как символ ценностей, которые хотя и имеют религиозное происхождение, но ныне определяют секуляризм современного правового государственного строя.

Министр образования Италии

Министр образования, университетов и исследований в своей инструкции от 3 октября 2002 г. (№ 2666) указал, «что наличие распятий в классах основано на действующих положениях, что оно не посягает ни на религиозный плюрализм, ни на цели поликультурного образования в итальянских школах и не может рассматриваться как ограничение свободы совести, гарантированной Конституцией, поскольку не имеет отношения к конкретной вере, но составляет лишь выражение христианской цивилизации и культуры, и что, таким образом, оно представляет часть всеобщего наследия человечества». Инструкция предусматривала как размещение в школьных классах распятий, так и выделение в школах помещений «для созерцания и размышления тех членов школьного сообщества, которые того пожелают».

Конфликт правоприменительных интерпретаций

Конфликт интерпретаций имел место в силу того, что Кассационный суд опротестовал позицию Государственного совета по делу о присутствии распятия на избирательном участке. В своем Ре-

шении от 1 марта 2000 г. (№ 439) он указал, что демонстрация распятия нарушает принципы секуляризма и беспристрастности государства, а также принцип свободы совести, отвергнув интерпретацию распятия как символа «всей цивилизации или коллективного этического сознания», а также «универсальной ценности, независимой от конкретного религиозного верования» (последняя цитата — из постановления Государственного совета от 27 апреля 1988 г., № 63).

Логика в пользу заявителя (заявителей)

Логика заявителя/заявителей

Аргументация в изложении первого постановления Суда:

> Распятия размещаются в классных комнатах итальянских государственных школ в соответствии с постановлениями (1924 и 1928 гг.), которые относятся к периоду до принятия Итальянской Конституции (1948), а также до заключения Конкордата с Католической церковью (1984), согласно протоколу к которому (1985) католицизм более не является в Италии государственной религией. Указанные постановления опирались на религиозное понимание государства, но в настоящее время противоречат светскости государства и нарушают права, защищаемые Конвенцией. Основной смысл распятия — религиозный, несмотря на возможность иных его интерпретаций. Демонстрация этого символа в государственной школе создает у учеников впечатление, что государство поддерживает определенные религиозные верования, а это противоречит принципам правового государства. Принцип секуляризма требует от государства быть нейтральным и равноудаленным от всех религий, чтобы не создавалось впечатления, что оно к одним гражданам ближе, чем к другим[8].

Дополнительная аргументация в изложении второго постановления Суда:

> Выражая предпочтение одной религии, государство пренебрегает своей обязанностью особо защищать несовершеннолетних от любой пропаганды или индоктринации. То же касается и за-

8. §§ 30–33.

> щиты убеждений меньшинства с целью его ограждения от «деспотизма большинства». Итальянская правовая система не дает оснований рассматривать распятие как символ национальной идентичности. И хотя власти Италии настаивают, что удаление распятий из классов государственных школ будет покушением на один из элементов итальянской культурной идентичности, присутствие там распятий является несовместимым с основами западной политической мысли, с принципами либерального государства, с плюралистической открытой демократией, а также с уважением индивидуальных прав и свобод[9].

Логика Суда в первом составе

Аргументация в первом постановлении Суда: Плюрализм в образовании существенен для демократического общества, и государство призвано его обеспечить. Открытое школьное пространство должно быть инклюзивным, а не эксклюзивным. Школа — не место для миссионерства и проповеди; это место встречи разных религий и философских убеждений. Государство обязано воздерживаться от навязывания веры (индоктринации), даже косвенным образом. «В странах, где подавляющее большинство населения придерживается определенной религии, демонстрация символов этой религии может оказывать давление на учащихся, которые не являются приверженцами этой или вообще какой-либо религии». Религиозный смысл распятия является преобладающим среди других его смыслов. Присутствие распятий без труда может быть воспринято учениками разных возрастов, особенно представителями религиозных меньшинств, как религиозный знак и создать впечатление, что они учатся в школе, где присутствует определенная религия. «Негативная свобода религии не ограничивается отсутствием религиозных служб или религиозного образования. Она распространяется на практики и символы, выражающие, в частности или в целом, какую-либо веру, религию или атеизм». «Суд не видит, как демонстрация в классах государственной школы символа, который вполне обоснованно ассоциируется с католицизмом (религией большинства в Италии), может служить образовательному плюрализму, существенному для сохранения „демократического общества“ в том смысле, как это понимает Конвенция»[10].

9. §§ 41–46.
10. §§ 47–58.

Относительно первого решения во втором постановлении Суда, в частности, говорится:

> Как указала Палата, государство было обязано соблюдать в контексте публичного образования конфессиональный нейтралитет, если посещение классов является обязательным независимо от религии, учитывая цель — содействие развитию критического мышления у учеников. (...) Палата заключила, что «обязательная демонстрация символа конкретной конфессии при осуществлении публичных обязанностей в конкретных ситуациях, находящихся под государственным контролем, особенно в классах, ограничивает права родителей на воспитание своих детей в соответствии со своими убеждениями и право детей верить или не верить»[11].

Логика третьих лиц, выступавших во втором рассмотрении дела в пользу заявителя

НПО «Греческий хельсинкский монитор»[12]: распятие не может восприниматься иначе, кроме как религиозный символ, поэтому его демонстрацию в классах государственной школы можно рассматривать как институциональный сигнал (*institutional message*) в пользу конкретной религии; обеспокоенные этим дети или родители, возможно, воздерживались от протестов, потому что опасались преследований.

НПО «Национальная ассоциация свободомыслия»[13]: демонстрация распятия в классах государственной школы была предусмотрена не законом, а правилами, принятыми в эпоху фашизма, которые не могут действовать в эпоху после принятия Конституции (1948) и Протокола к Конкордату (1985). Палата по уголовным делам Кассационного суда дала соответствующее указание по аналогичному делу, касавшемуся демонстрации распятия на избирательных участках (Решение от 1 марта 2000 г.), а также по вопросу о демонстрации распятий в залах судебных заседаний (Решение от 17 февраля 2009 г.). «Таким образом, имел место конфликт прецедентной практики Государственного совета (который, напротив, полагал, что соответствующие правила являются применимыми) и Кассационного суда, что затрагивает принцип

11. §§ 30–32.
12. § 50.
13. § 51.

правовой определенности, являющийся опорой государства, регулируемого верховенством права».

НПО «Евроюрис»[14]: наличие распятий в классах итальянских государственных школ предписано не законом, а правилами, унаследованными от эпохи фашизма, которые отражали конфессиональную концепцию государства, несовместимую с принципом секуляризма, установленным в позитивном конституционном праве; распятие — религиозный символ, с которым не ассоциируются нехристиане.

НПО «Международный комитет юристов», «Интеррайтс» и «Хьюман райтс уотч»[15]: прецедентная практика Европейского суда указывает на обязанность государства поддерживать нейтралитет и беспристрастность по отношению к религиозным убеждениям при предоставлении публичных услуг, включая образование; такой нейтралитет особенно важен в школьном помещении (включая организацию школьной среды), поскольку там, ввиду обязательности школьного обучения, существует опасность индоктринации детей.

Логика против иска заявителя (заявителей)

Логика правительства Италии[16]

В первом решении Суда отсутствует общеевропейский подход, то есть сравнительно-правовое исследование по вопросу отношений государства и религий, а также по вопросу демонстрации религиозных символов в государственных школах; такое исследование указало бы на широкие пределы усмотрения государств-участников Конвенции.

Нейтралитет требует от государства принимать во внимание все религии. В первом решении Суда имело место смешение «нейтралитета» (как «инклюзивного понятия») и «секуляризма» (как «эксклюзивного понятия»). Однако государствам следует воздерживаться от насаждения не только конкретной религии, но также и атеизма; «секуляризм» со стороны государства является не меньшей проблемой, чем какой-либо религиозный прозелитизм. Первое решение было следствием недопонимания

14. § 53.
15. § 54.
16. Второе решение Суда, §§ 33–40.

и поощряло нерелигиозный или антирелигиозный подход, «воинствующим сторонником которого в качестве члена Союза атеистов и рационалистов-агностиков, как утверждается, является заявительница».

Знак креста может восприниматься не только как религиозный символ, но также как символ культурный, связанный с идентичностью, как символ принципов и ценностей, которые создали основу демократии и западной цивилизации; именно такой символ присутствует на флагах ряда европейских стран. Этот символ является выражением «национальной особенности» Италии, для которой характерны особо тесные отношения между государством, народом и католицизмом, связанные с историческим, культурным и территориальным развитием страны. Вопрос о присутствии распятий — это вопрос о сохранении вековой традиции. Европейскому суду следует признавать и защищать национальные традиции и преобладающее народное чувство, а также оставлять на усмотрение каждого государства способы достижения равновесия между противоположными интересами.

Права родителей на уважение их «семейной культуры» не должны вступать в противоречие с правами общества на передачу своей культуры и правами детей на ее восприятие. Наличие распятий в классах — это желание большинства родителей в Италии, а удаление распятий будет злоупотреблением со стороны меньшинства.

Суд должен уважать конституционные традиции и принципы, связанные с отношениями государства и религий, в том числе и особый подход к секуляризму, который доминирует в Италии. Преобладание в школьных программах внимания к религии большинства само по себе не свидетельствует о ненадлежащем влиянии со стороны государства или на попытки индоктринации. Конвенция не запрещает государствам-участникам иметь государственную религию, или отдавать предпочтение конкретной религии, или предлагать учащимся более обширные сведения о доминирующей религии. Наличие распятий в классах способствует пониманию учениками того национального сообщества, в которое они призваны интегрироваться. Распятие — «пассивный символ», который не влияет на содержание образования в Италии. В школьном пространстве практикуется открытость и уважение к различным проявлениям религиозности. Так, допускается ношение исламских головных платков и других видов одежды или символов религиозного характера; часто отмечаются нача-

ло и окончание рамадана; ученики иудейского вероисповедания имеют право не сдавать экзамены по субботам; кроме того, разрешается обучение всем признанным религиям.

Логика третьих лиц, выступавших в пользу Италии

Совместная позиция правительств Армении, Болгарии, Кипра, Российской Федерации, Греции, Литвы, Мальты и Сан-Марино[17]: мотивировка первого решения основана на недопонимании «нейтралитета» государства, который не следует отождествлять с «секуляризмом». Секуляризм является политической позицией, которая достойна уважения, но не является нейтральной. В Европе имеет место значительное разнообразие типов церковно-государственных отношений; больше половины населения Европы живет в несветских государствах, где наличие религиозных символов в публичном пространстве воспринимается светскими людьми как элемент национальной идентичности. Важным фактором является степень контекстуализации учебной программы, а также обучение детей терпимости и плюрализму.

Позиция Монако[18]: распятие является «пассивным символом», который присутствует на гербах и флагах многих государств, а в настоящем деле отражает исторически сложившуюся национальную идентичность; принцип государственного нейтралитета требует от властей воздержания как от введения религиозного символа, который ранее отсутствовал, так и от устранения символа, который всегда присутствовал.

Позиция Румынии[19]: прецедентная практика Европейского суда, в частности, признает, что государства пользуются широкими пределами усмотрения относительно присутствия религиозных символов в государственных школах.

НПО «Европейский центр права и справедливости»[20]: поскольку было невозможно выявить посягательство на «внутренние или личные воззрения» детей первой заявительницы в связи с наличием распятия в классах, Суд в своем первом решении предложил новое обязательство — обеспечить полностью свет-

17. § 47.
18. § 48.
19. § 49.
20. § 52.

скую образовательную среду, что выходило за пределы жалобы, а также за пределы юрисдикции Суда.

НПО «Центральный комитет немецких католиков», «Общественные недели Франции» и «Итальянская ассоциация христианских работников»[21]: необходимо установить равновесие между правами и интересами верующих и неверующих, между основными правами лиц и законными интересами общества, а также между утверждением стандартов, относящихся к основным правам, и поддержанием существующего в Европе разнообразия.

Позиция 33 членов Европейского парламента, действующих совместно[22]: Европейский суд не является конституционным судом; он должен уважать принцип субсидиарности и признавать широкие пределы усмотрения государств-участников не только в отношениях между государством и религиями, но также при исполнении функций в сфере образования. Наличие религиозных символов в публичном пространстве следует рассматривать не как форму индоктринации, а как выражение культурного единства и идентичности. В рассматриваемом конкретном контексте религиозные символы имеют светское измерение и потому не должны быть устранены. Требование устранить распятия было бы радикальным идеологическим сигналом (*radical ideological message*).

Логика Суда во втором составе[23]

Большая палата ЕСПЧ (то есть Суд, принявший второе решение) прежде всего обозначила, что она не рассматривает вопрос о наличии распятий в иных местах, помимо государственных школ, и не берется «разрешать вопрос о совместимости наличия распятий в классах государственной школы с принципом секуляризма, воплощенным в итальянском законодательстве».

Далее Суд указал, что представленная жалоба должна быть рассмотрена в основном с точки зрения второго предложения статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции, которое гласит: «Государство при осуществлении функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обес-

21. § 55.
22. § 56.
23. §§ 57–81.

печивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям». В то же время Суд указал и на то, что это положение должно толковаться с учетом не только первого предложения той же статьи, но, в частности, также и статьи 9 Конвенции.

Далее Суд отметил, что «государства-участники пользуются широкими пределами усмотрения при определении того, какие меры следует принимать для обеспечения соблюдения Конвенции с надлежащим учетом потребностей и ресурсов общества и отдельных лиц», а также что «разработка и утверждение учебных программ относятся к компетенции государств-участников» с тем условием, чтобы «информация или знания, включаемые в школьную программу, передавались объективным, критическим и плюралистическим способом, что позволяло бы учащимся развивать критическое мышление, особенно в отношении религии, в спокойной обстановке, чуждой какого-либо прозелитизма. Государству запрещается преследовать цель индоктринации, которая может рассматриваться как неуважение религиозных и философских убеждений родителей».

Обращаясь непосредственно к рассматриваемому делу, Суд заявил, что не принимает довода властей Италии о том, что обязанность государства касается лишь содержания школьных программ и что поэтому вопрос о наличии распятий в классных помещениях государственной школы не относится к сфере его ответственности; согласно мнению Суда, эта ответственность распространяется также и на организацию школьной среды, включая и демонстрацию распятий, если национальное законодательство возлагает эту функцию на соответствующие органы.

Суд признал, что распятие представляет собой прежде всего религиозный символ. В то же время он указал на отсутствие «доказательств того, что демонстрация религиозного символа на стенах класса может оказывать влияние на учеников», а также на то, что «субъективное восприятие заявительницы само по себе не является достаточным основанием для установления нарушения» соответствующих норм.

Далее в постановлении Суда читаем: «Европейский суд полагает, что решение о том, увековечивать традицию или нет, в принципе относится к пределам усмотрения государства-ответчика». Кроме того, Суд указал на необходимость учитывать факт значительных культурно-исторических различий европейских государств. В то же время Суд подчеркнул, что ссылка на традицию

не освобождает государство-участника от обязанности уважать права и свободы, зафиксированные в Конвенции и Протоколах к ней.

Касаясь мнения властей Италии о значении распятия, Суд отметил, что «не должен занимать позицию во внутреннем споре национальных судов», имея в виду различие решений, ранее принятых итальянскими судами.

Суд также заявил, что принципиально обязан уважать решения государств-участников в вопросах организации школьной среды, а также планирования и утверждения школьных программ, включая место, отводимое религии, при условии, что эти решения не имеют своим следствием индоктринацию в какой-либо форме.

В резолютивной части Суд заключил, что «решение о присутствии распятий в классах государственной школы в принципе является вопросом, относящимся к пределам усмотрения государства-ответчика», и что в пользу такого подхода свидетельствует «факт отсутствия европейского консенсуса по вопросу о наличии религиозных символов в государственных школах». Одновременно Суд постановил, что в данном случае «пределы усмотрения должны сопровождаться европейским надзором».

В качестве обоснования своего решения Суд указал на то, что хотя распятие в школьном пространстве особым образом визуально указывает на религию большинства населения, этого недостаточно для установления факта индоктринации (сославшись при этом на дела «Фольгере и другие против Норвегии» и «Хасан и Эйлем Зенгин против Турции»[24]). По мнению Суда, распятие на стене школьной аудитории является скорее пассивным символом и в этом смысле не противоречит принципу государственного

24. См. § 71: «По делу „Фольгере и другие против Норвегии“, в котором он [ЕСПЧ] должен был рассмотреть содержание уроков „христианства, религии и философии“, он постановил, что тот факт, что программа уделяла больше внимания изучению христианской религии по сравнению с другими религиями и философиями, сам по себе не может рассматриваться как отход от принципов плюрализма и объективности, составляющий индоктринацию. Он разъяснил, что с учетом места, которое занимает христианство в истории и традиции государства-ответчика — Норвегии, этот вопрос следует считать относящимся к пределам усмотрения государства при планировании и установлении им программы (см. „Фольгере и другие против Норвегии“, § 89). Он пришел к такому же заключению и по поводу курса „религиозной культуры и этики“ в турецких школах, программа которых отводила больше места изучению ислама на том основании, что, несмотря на светский характер государства, ислам является в Турции религией большинства (см. „Хасан и Эйлем Зенгин против Турции“, § 63) ».

нейтралитета, который засвидетельствован тем фактом, что Италия параллельно открывает школьную среду и другим религиям. Вывод: в данном случае итальянские власти действовали в пределах усмотрения, отводимых государству-ответчику.

Окончательное решение: «Европейский суд, соответственно, заключает, что по рассматриваемому делу требования статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции в отношении первой заявительницы нарушены не были. Он также полагает, что обособленный вопрос в части статьи 9 Конвенции не возникает». Данное решение было принято Большой палатой ЕСПЧ пятнадцатью голосами за при двух против.

Особые мнения судей Большой палаты

Совпадающие особые мнения

Судья Христос Розакис в своем особом мнении (к которому присоединилась судья Нина Ваич), в частности, обратил внимание на «право общества» и на роль религии большинства в итальянском обществе, отметив, что «основная забота государства — предложить детям образование, которое обеспечит их наиболее полную интеграцию в общество, в котором они проживают». По его мнению, в современной ситуации поликультурного и полиэтнического общества «дети привыкли получать информацию о множестве часто конфликтующих идей, и роль школы и родителей в этих вопросах является сравнительно менее влиятельной». Соответственно, «обязанности государства значительно сместились от внимания к озабоченности родителей к заботе об обществе в целом, что уменьшило возможности родителей определять, за пределами дома, вид образования, получаемого их детьми». Он также отметил, что в отсутствие европейского консенсуса по вопросу о публичной демонстрации религиозных символов Европейский суд должен ориентироваться на существующие нормы (быть *court of law*), а не выступать в роли законодательного органа.

В экспрессивной манере выступил судья Джованни Бонелло. Вот некоторые характерные цитаты из его особого мнения: «Европейский суд не должен банкротить (*to banktrupt*) века европейской традиции. Ни один суд, включая настоящий, не должен лишать итальянцев части их культурной индивидуальности».

«Наличие распятия в итальянских школах... свидетельствует о неоспоримой тысячелетней исторической реальности — вполне можно утверждать, что оно было там с тех пор, как существует школа. Ныне суд в стеклянной банке за тысячу километров вовлечен во внезапное запрещение того, что пережило бесчисленные поколения. Европейскому суду предложено стать сообщником в грубом акте культурного вандализма».

«Конвенция наделила данный Суд правом принудительно осуществлять свободу религии и совести, но не уполномочила его принуждать государства к секуляризму или навязывать странам системы религиозного нейтралитета. Каждое отдельное государство вправе выбирать быть светским или нет, отделять ли церковь от управления (*governance*) и в каких пределах. Чего не должно делать государство, так это отказывать кому-либо в свободе религии и совести».

«Свобода религии — это не секуляризм. Свобода религии — это не разделение церкви и государства. Свобода религии — это не религиозное равноудаление. Все это соблазнительные понятия, но никто не назначал данный Суд быть контролером ни одного из них. В Европе секуляризм является факультативным, религиозная свобода — нет».

«Сохранение символа [распятия] там, где он всегда был, не является актом нетерпимости со стороны верующих или культурных традиционалистов. Его удаление стало бы актом нетерпимости со стороны агностиков и секуляристов».

«Никто не указал причины, почему воля родителей одного ученика должна возобладать, и воля родителей остальных 29 учеников должна быть проигнорирована».

Судья Энн Пауэр среди прочего высказала такие соображения: «Первая заявительница могла быть оскорблена (*may have taken offence*) наличием распятия в классах, но существование права „не быть оскорбленным“ никогда не признавалось в рамках Конвенции. Отвергая постановление Палаты, Большая палата лишь подтвердила существующую юридическую практику (особенно с точки зрения статьи 10 Конвенции), в соответствии с которой простое „оскорбление“ не является тем, от чего лицо может быть иммунизировано правовым путем».

«Нейтралитет требует со стороны государства плюралистического, а не секуляристского подхода. Он поощряет уважение ко всем мировоззрениям, а не отдает предпочтение одному из них. На мой взгляд, постановление Палаты поражает неспо-

собностью признать, что секуляризм (который является предпочтительным убеждением или мировоззрением заявительницы) сам по себе представляет одну идеологию среди многих. Отдавать предпочтение секуляризму по сравнению с альтернативными мировоззрениями — религиозными, философскими или иными — не является нейтральным выбором».

Кроме того, она обратила внимание на то, что истинно плюралистическое образование предполагает ситуацию, в которой человек подвергается воздействию разных идей, в том числе и тех, которые не разделяет.

Несовпадающие мнения

В несовпадающем особом мнении судьи Джорджио Малинверни, к которому присоединилась судья Здравка Калайджиева, на наш взгляд, не было высказано новых аргументов в сравнении с уже приведенными. Их позиция кратко выражена так: «Эффективная защита прав, гарантированных статьей 2 Протокола №1 к Конвенции и статьей 9 Конвенции, обязывает государства соблюдать строжайший конфессиональный нейтралитет. Это распространяется не только на школьные программы, но также и на „школьную среду“. Поскольку начальное и среднее школьное обучение является обязательным, государство не должно навязывать ученикам, против их воли и в отсутствие у них возможности самоустраниться, символ религии, с которой они себя не связывают».

«Дело Лаутси» как фокус идеологического противостояния

На вопрос о природе, цели и функции права можно отвечать по-разному, и правоведы об этом знают. Однако об этом порой забывают некоторые комментаторы конкретных «кейсов», не утруждая себя философией права, потому что считают, что проблематика этой философии давно известна и в «обществе» (=«мировом сообществе») все уже решено относительно ее правильной интерпретации.

Казус Лаутси в ЕСПЧ показывает, что это совсем не так. Он показывает, что история продолжается и что на новых ее поворотах мы вновь сталкиваемся с проблемами не «стандартного» правоприменения, а философского обоснования этого правоприменения. А потому мы вновь должны задуматься о том, как возникают,

трансформируются и применяются доставшиеся нам от прошлого правовые нормы; о том, насколько действующие международные правовые нормы были обусловлены конкретно-историческим контекстом их возникновения и утверждения; и о том, насколько они соответствуют текущим социокультурным процессам.

Ибо нормы светского права, как бы ни понимать само это право, не являются и не могут быть неким «божественным откровением», определяющим «земной» порядок общественной жизни. Правовые нормы — как национальные, так и международные — призваны быть регуляторами исторически-конкретного «положения общественных дел», то есть работать, так сказать, на стыке идеала и реальности. Ни законы Хаммурапи, ни каноны Трулльского собора в нынешнем европейском правовом контексте, то есть в сфере ответственности ЕСПЧ, не имеют юридической силы. В этой сфере действует Европейская конвенция — норматив, которому лишь несколько десятков лет. Этот норматив никто не оспаривает. И все же это исторически определенный норматив. Его правоведческая и правоприменительная (судебная) интерпретация по необходимости предполагает учет нынешней общественной конфигурации (конфигураций), ибо смысл правового регулирования в «светском обществе» состоит в урегулировании религиозного и мировоззренческого многообразия. В том числе тех конфликтов, которые в ситуации этого многообразия возникают или потенциально могут возникнуть.

Говоря предельно кратко: право, а особенно правоприменение, должно идти за реальной жизнью, ее упорядочивая. Светское право (то есть не «богооткровенное», а прагматическое) призвано выполнять эту и только эту общественную функцию. Правовой фундаментализм (или формализм), а тем более правовой «идеологизм» не способствуют выполнению этой функции современного права.

На последнее следует обратить особое внимание. Право, а точнее правосознание, по необходимости связано не только с «реальной жизнью», которую оно призвано регулировать посредством своих специфических инструментов, но также и с той «идеологией», в соответствии с которой строится жизнь того или иного общества/сообщества. Право идеологично в той мере, в которой идеологично любое общество. Но идеологии конкурируют, борются за гегемонию, утверждаются в качестве доминирующих, а затем вступают в схватку с новыми идеологическими тенденциями, которые тоже могут выступать в качестве претендентов

на гегемонию. В этом смысле никакое право не является идеологически нейтральным, а тем более — логика правоприменения, за которой всегда стоит некое «всеобъемлющее мировоззрение» (*comprehensive doctrine* в терминологии Джона Ролза).

Сегодня мы являемся свидетелями новейшей исторической динамики, которая, вопреки всем заявлениям о «конце идеологий», характеризуется новой идеологической борьбой. Дело о распятиях — характерный пример, выявляющий новое противостояние идеологий в ходе судебного процесса, точнее — целой серии таких процессов. В данном случае можно говорить о трех типах идеологий: секулярной, религиозной и «смешанной», или гибридной, которая является постсекулярной[25].

Специфика рассматриваемой в связи с «делом Лаутси» ситуации состоит в том, что с самого начала, еще в национальном итальянском контексте, мы видим судебно-идеологическую тяжбу по поводу очевидно *религиозного* вопроса между сторонниками *двух секуляризмов*. В ходе этой тяжбы сталкиваются две логики — жестко-секуляристская и секулярно-культурологическая. Это можно назвать «раздвоением секуляризма», что и является признаком постсекуляризма, который как раз и вырастает из такой интерпретации секуляризма, которая учитывает историко-культурные, в том числе религиозные, традиции конкретных обществ. (В практике ЕСПЧ такой учет проявился в делах, на которые ссылалась Большая палата в постановлении по «делу Лаутси»; см. сноску 24.)

С постсекулярной точки зрения весьма интересно и показательно, что в данном случае итальянские власти (судебные и иные), обосновывая свою позицию в пользу присутствия распятий в школах, настойчиво и подробно развивают своеобразную *светскую теологию*. Как мы видели, уже самая первая судебная реакция на иск Лаутси — довольно неожиданно для абстрактного секулярного подхода — состояла в определенной интерпретации христианства со стороны принципиально светского органа. «Светское» здесь не противопоставляется «христианской вере», но, наоборот, из нее выводится, тогда как факты, противоречащие этому подходу, отбрасываются как несущественные. Это самая что ни на есть постсекулярная стратегия, то есть такая, которая отказывается от секуляризма как контррелигиозной идеологии и со-

25. О «постсекулярных гибридах» см. в статье Дмитрия Узланера, опубликованной в этом номере журнала.

прягает современные секулярные представления и стандарты с историческими и актуальными религиозными факторами. Религия (а именно христианство) оказывается в этой логике *источником* светскости, а не ее антагонистом. Обоснование этого тезиса *светским судом* поражает тем, что суд апеллирует к теологическим аргументам: христианство, *понятое правильно*, говорит суд, — инклюзивно; «крест как символ христианства не может исключать кого-либо, не отрицая себя». Теологические аргументы, включенные в логику суда, отстаивающего секуляризм, — характерное проявление постсекулярной «гибридности». Инстанции светского государства обосновывают современную европейскую «светскость» в модусе «мира с религией», вплоть до прямого отвержения актуальной значимости исторически признаваемого «конфликта с религией» эпохи Просвещения.

Такова в данном случае правоприменительная логика современного провинциального итальянского суда. Эта логика была подтверждена и усилена высшей национальной судебной инстанцией — Государственным советом, который, ничтоже сумняшеся, прямо указал на религиозное происхождение современных светских ценностей (на их «трансцендентные источники») и на то, что для реализации принципа секуляризма определяющими являются не «идеи», а культурные традиции и обычаи конкретного общества. Кроме того, итальянский суд использовал весьма архаичный язык для описания церковно-государственных отношений, говоря о светской (земной, «временно́й», *temporal*) власти и духовной власти и утверждая их взаимную автономию, а не противопоставление (очевидно, что дискурс «властей» с трудом вписывается в дискурс Конвенции с ее принципиальным акцентом на индивидуальных правах — против любой «власти», поскольку она склонна посягать на эти права). Таким образом, высший суд Италии также вполне свободно прибегнул к теологическим аргументам — в пользу своего понимания «секуляризма».

Однако в позиции итальянского правительства в ходе второго разбирательства в ЕСПЧ мы уже не находим теологической аргументации. Здесь акцент сделан на национальной традиции и правах большинства, которые не противоречат религиозной свободе и многообразию, в том числе в образовательном пространстве. Однако «нервом» этой аргументации является различение (а, по сути, противопоставление) «нейтралитета» и «секуляризма», которые в данном случае указывают на два разных принципа: инклюзивный и эксклюзивный соответственно (см. выше изложе-

ние логики итальянского правительства). В этом как раз и проявляется «раздвоение секуляризма» (ибо здесь нет ни логического, ни дискурсивного противопоставления секуляризма и антисекуляризма): один секуляризм, в данном случае «итальянский», выступает в модусе инклюзивности, то есть включает в себя «культурологический аспект» (историческая традиция, национальная идентичность, «народная чувствительность» плюс религиозная составляющая); другой секуляризм — абстрактный, выносящий за скобки все эти измерения общественной жизни. Но при этом важно подчеркнуть, что оба являются «секуляризмами». И логика итальянских судов состоит именно в том, чтобы подтвердить все *современные европейские светские ценности и нормы*, непротиворечиво соположив и даже связав их с *христианством*. (Повторимся: что это, как ни пример новейшей «светской теологии» — как постсекулярного феномена?!)

Для описания этой ситуации довольно трудно использовать термин «идеология». С одной стороны, ясное желание «итальянской стороны» развести позитивную светскость и негативную светскость[26], поняв первую как последовательный нейтралитет государства, а вторую — как «насаждение не только конкретной религии, но также и атеизма», указывает на некоторую коллизию в рамках секуляризма (лаицизма) — именно как *идеологии*. Но, с другой стороны, ясно и другое: в «итальянской» интерпретации предлагается некое «культурологическое» видение проблемы, которое противопоставляется жесткому, абстрактному пониманию секуляризма как «идеологии» в более узком, «сугубом» смысле

26. Цитирую Карло Кардиа, влиятельного итальянского специалиста по церковно-государственным отношениям, который так высказался относительно первого решения: «Помимо прочего суд уклоняется от рассмотрения понятия *позитивной светскости* Итальянской конституции, которое отличается от *негативной светскости* во Франции или (по крайней мере с институциональной точки зрения) в Турции. Суд не применяет в отношении Италии тот же герменевтический подход, который был заявлен в его предшествующем судопроизводстве». При этом автор ссылается на Аугусто Барбера, который в свое время заявил, что первое решение ЕСПЧ является «поразительным», поскольку суд «перенимает подход к светскости, который присутствует в других правовых системах, в частности во Франции и в Турции. Неслучайно иными были постановления Страсбургского суда, когда ему пришлось защищать решения этих стран, запрещающие использование в публичном пространстве религиозных символов, в частности хиджаба. Используя такой подход, Суд не соблюдает „пределы оценки“ при применении Европейской конвенции. То есть он отошел от того направления судебной практики, целью которого является уважение национальных конституционных традиций» (*Кардиа К.* Европейская религиозная и культурная идентичность. Вопрос о распятии. М.: Центр книги Рудомино, 2011. С. 29, 28).

(вспомним заявление Государственного совета Италии: «В отрыве от конкретных условий применения принцип „секуляризма“ оказывается ограниченным сферой идеологических конфликтов и с трудом может использоваться в правовом контексте»).

Это подтверждает наш тезис, высказанный выше. В своей мотивировочной части правоприменительная практика (в силу самой «природы» этой ее функции) ориентируется как минимум на два значимых фактора: на по определению абстрактную юридическую норму и на конкретную общественную ситуацию. Правовые нормы, по самому своему философскому смыслу, суть абстрагирования от эмпирической реальности и в этом отношении представляют собой «нормативный идеал». Но их цель — регулировать эмпирическую реальность, и именно это является задачей уже не права как такового, но право-*применения*.

Отношение «права» как общественной подсистемы к идеологиям в самом широком смысле — то есть господствующим, противоборствующим или маргинальным системам общественных представлений — также двояко. С одной стороны, действующие правовые нормы возникают в определенном социокультурном контексте, а, с другой стороны, их применение в судебной практике предполагает учет существующих в обществе настроений (ибо иначе непонятно, к чему они применяются). Соответственно, идеологическое измерение как права, так и правоприменения неизбежно и логически законно.

Поэтому, несмотря на двусмысленность термина «идеология», предложим (употребляя этот термин в расширительном смысле) в контексте рассматриваемой проблемы такую схему.

В «деле Лаутси» обнаружились и столкнулись *две идеологии секуляризма* — негативная абстрактная светскость как жесткая антирелигиозная идеология и позитивная культурологическая светскость как идеология мягкая и не антирелигиозная, то есть не проективная, а, наоборот, реактивная. Различение идеологий *проективных* и *реактивных* представляется весьма важным. Вводя такие «идеологические модусы», мы можем описать именно новейшую ситуацию, не схожую с ситуацией прошлого века с его идеологиями и соответствующими противостояниями.

Исходя из этих соображений, рассматриваемую судебную тяжбу можно описать как новое *идеологическое* противостояние сторонников двух «секуляризмов»: жестких секуляристов и мягких секуляристов. Первые представляют собой *проективную* идеологию, восходящую к идеалам Просвещения, а вторые — идеологию

реактивную, которую определяет актуальное «положение общественных дел». И весьма показательно (для постсекулярного анализа), что это противостояние проявляется не просто в мире идей, а в пространстве правоприменения, то есть мотивировок судебных решений, имеющих значение правового регулирования общественной жизни.

«Жесткие секуляристы» — за четкое (можно сказать, формальное) разделение религиозного и светского, против любого их смешения, ибо иначе само «светское» исчезает, утрачивая свои границы.

«Мягкие секуляристы» — за содержательный анализ и интерпретацию исторического и современного соотношения религиозного и светского. Они учитывают «культурную ткань» общества и вербализуют интуитивные диспозиции автохтонного «народного большинства», как национального, так и общеевропейского.

Во втором случае мы сталкиваемся с новейшей «светской теологией», а потому с проявлением постсекулярного подхода, то есть такого, для которого *жесткий секуляризм уже не является аксиоматичным*, а потому не определяет *критерии оценки* современных социокультурных феноменов и процессов, связанных с религией/религиозностью.

Мягких секуляристов можно назвать «культурологами». В ходе второго рассмотрения «дела Лаутси» в ЕСПЧ в роли таких «секуляристов-культурологов» выступили Италия и поддержавшие ее государства, а также часть других участников «с третьей стороны» (религиозно ориентированные НПО и группа депутатов Европарламента).

Второе разбирательство заслуживает нашего внимания в нескольких отношениях.

Во-первых, Европейский суд столкнулся с фактом противоречивых решений национальных итальянских судов, то есть с конфликтом правоприменительных интерпретаций, но от этого конфликта отстранился — по формальным основаниям. Ибо сам этот конфликт — амбивалентен. Для сторонников истца такая «правовая неопределенность» говорит в пользу первого решения Суда (в том смысле, что, мол, «сама Италия не может принципиально разобраться в вопросе о распятиях»). Однако тот же факт можно интерпретировать и в том смысле, что противоречивость соответствующих судебных решений говорит о неопределенности, о недостаточной ясности самого «положения дел». То есть как раз о постсекулярной ситуации: когда то, что не допускает-

ся на избирательных участках и в залах судебных разбирательств, почему-то допускается в государственной школе... Ни итальянскому государству, ни значительной части итальянского общества, ни итальянским судьям жесткие секуляристские решения не представляются единственно правильными и потому обязательными. Граница религиозного присутствия в публичном пространстве оказывается подвижной. А потому нет и «правовой определенности»...

Во-вторых, в ходе разбирательства в ЕСПЧ возникла тема большинства и меньшинства, а также тема «равновесия между правами и интересами верующих и неверующих, между основными правами лиц и законными интересами общества». Последнюю тему заявили представители религиозной идеологии, действующие в качестве третьей стороны, — христианские НПО. Здесь мы также встречаемся с постсекулярным элементом: интерпретация «прав верующих» не в плане религиозной свободы как «основного права лиц», а в плане «законных интересов общества». Верующие, то есть те, кто мотивирован религиозно, выступают в Европейском суде в поддержку «культурологического секуляризма» светской власти, защищающей религиозный символ как источник и знак современного светского порядка. В данном случае имеет место *союз* религиозных и постсекулярных акторов, совместно противостоящих традиционному (то есть жесткому) секуляризму. И важно то, что речь идет не об индивидуальных и даже не о коллективных правах, а о «правах общества» — в смысле традиции как неотъемлемой части культуры большинства.

В-третьих, противостояние разных позиций в данном случае происходит не в коммуникативно-дискуссионном демократическом пространстве — где плюрализм мнений есть одновременно факт и догмат, но при этом не предполагается никакого «окончательного решения вопроса», ибо демократическая дискуссия по определению бесконечна. Противостояние имеет место в *судебном* — более того, *европейском* — пространстве, предполагающем какое-то, в данном случае прецедентное, разрешение.

Наконец, в отличие от первого решения, во втором решении ЕСПЧ не встал на позицию жесткого секуляризма и не отождествил последний с требуемой нейтральностью (то есть одновременно и ушел от идеологической позиции, заданной итальянской стороной, и, по существу, солидаризовался с предложенным различением «секуляризма» и «нейтральности» государства). Возможно, Суд учел указания участников с третьей стороны, кото-

рые обратили внимание на секуляризационные интенции истца и Суда в первом составе[27], а также на то, что запрет на распятия будет «радикальным идеологическим сигналом»[28]. Это были указания на недопустимость политико-идеологического решения со стороны общеевропейской судебной инстанции, которая в таком случае действительно вышла бы за границы своей специфической компетенции (то есть именно правоприменительной, а не «конституционной»).

Правоприменительная стратегия Большой палаты Европейского суда

Общая стратегия Суда в ходе второго рассмотрения «дела Лаутси» — это уход от всех выше обозначенных проблем идеологического характера.

Суд устранился от «культурологии», хотя и привел примеры своих прошлых решений, в которых учитывался «культурологический контекст» (см. сноску 24). В данном случае можно усмотреть как логическую последовательность, так и некоторое «лукавство»: распятие в школе не запрещено Судом не как элемент традиции, а по другим причинам… Суд отнес право сохранять традиции к пределам усмотрения государств, оставив за собой лишь европейский правовой надзор.

Важнее, однако, другое — то, что Суд не стал обсуждать проблему соотношения религиозного и светского, сразу отказавшись от рассмотрения вопроса о наличии распятий в иных местах помимо государственных школ, а также о совместимости наличия распятий в классах государственной школы с принципом итальянского секуляризма. Суд ушел от такого рода теоретических и идеологических вопросов (которые прямо или косвенно затрагивались в позициях всех участвовавших в процессе сторон), оставшись в таком *правоприменительном* пространстве, которое пока не предполагает суждений об актуальных религиозно-общественных процессах, проблематизирующих исторически определенные нормы Европейской конвенции, принятой на пике европейской секуляризации. Постсекулярный подход вполне про-

27. Вспомним логику НПО «Европейский центр права и справедливости»: «Палата создала новое обязательство обеспечения полностью светской образовательной среды, что выходило за пределы жалобы и пределы ее юрисдикции».

28. Вышеприведенное мнение депутатов Европарламента.

явился в согласованных особых мнениях судей, но не в решении Суда в целом.

Это знак «идеологической неопределенности» Суда, поскольку при этом он был вынужден обсуждать вопрос о *характере религиозного символа* (распятия), а именно о его пассивности или активности, так как эта тема уже присутствовала в его прецедентной практике. Суду пришлось сравнить рассматриваемый случай с делом «Дахлаб против Швейцарии» (тогда ЕСПЧ подтвердил решение национального суда, согласно которому школьной учительнице было запрещено носить хиджаб во время занятий). Большая палата отвергла прецедентную значимость этого решения на том основании, что в контексте того рассмотрения «символ» был скорее активным.

Однако по существу «перевод стрелок» с вопроса о соотношении светского и религиозного, а также о коллизии двух заявленных в ходе процесса интерпретаций секуляризма (инклюзивной и эксклюзивной), на вопрос о пассивности/активности религиозного символа есть опять же не что иное, как лукавство. Ясно, что предпринятый Европейским судом анализ соотношения религиозного и светского вряд ли смог бы обнаружить какие-либо полутона. Ибо в этом вопросе, не являющемся чисто правовым, Суду пришлось бы ориентироваться на «внесудебную ситуацию», в которой сторонники каждой из противостоящих идеологических позиций — религиозной и проективно-секуляристской — всегда интуитивно чувствуют, где и когда нарушена граница и где количество перешло в качество. В таком ценностно окрашенном «разбирательстве» *реактивная* секулярная идеология (теологически-культурологическая), заведомо отвергнутая Судом, не могла бы иметь решающего голоса.

В результате ЕСПЧ оказался вовлечен в то, что можно назвать «квазитеологической светской аргументацией» (в отличие от светской теологии итальянских судов). Установив, что интенсивность религиозного символа, то есть его способность воздействовать на воспринимающего, с трудом поддается внешней фиксации, Суд все же принял дискурс пассивности/активности религиозного символа, то есть взял на себя право выносить решение относительно *религиозного феномена*. Это можно понять как способ пройти между Сциллой и Харибдой, а именно все-таки затронуть существо проблемы, но при этом — неким нейтральным, «наукообразным», религиозно не ангажированным образом.

Такой уход от более глубокого уровня уже затронутой проблематики является симптоматичным, но вместе с тем оправданным. Суд, действительно, не может заниматься «философией», в том числе философией религии и философией секуляризма. Это не его задача, поскольку его функция — *правовое* регулирование общественной жизни. Но при этом Суд, принимая во внимание общественные реалии, безусловно, столкнулся с фактом отсутствия в общественной жизни — как на конкретном национальном уровне, так и на уровне общеевропейском — «идеологического консенсуса» по рассматриваемому вопросу и по вопросам, с ним связанным. Именно это и заставило его — вполне логичным образом — пойти по пути максимальных отстранений от коллизий и проблем, выходящих за пределы судопроизводства как такового.

Стратегия таких отстранений, как и следовало ожидать, имела своим следствием то, что основное внимание Суд сосредоточил на самом ясном, никем не оспариваемом вопросе — об индоктринации, понятой как «неуважение религиозных и философских воззрений родителей» (в соответствии со статьей 2 Протокола № 1 к Конвенции). Против запрета индоктринации, тем более в сфере образования, не возражала ни одна из сторон, ни один из «европейских акторов». Этот запрет недвусмысленно отражен в Европейской конвенции и по умолчанию признается «европейским сознанием». Здесь нет проблем. И подтвердив для всех очевидный запрет на индоктринацию, Суд «с легкой совестью» смог все остальное отнести к широким пределам усмотрения государств-участников Конвенции, тем самым откликнувшись на главный пафос практически всех участников процесса со стороны ответчика.

Стратегия отстранений от опасных и практически (через правоприменение) не разрешимых вопросов позволила Суду принять сбалансированное решение.

С одной стороны, Суд согласился с «жестко-секуляристским» подходом, признав, что «распятие представляет собой прежде всего религиозный символ»[29].

29. Заметим в скобках, что тот факт, что «культурологическая» интерпретация символа распятия в аргументации итальянских национальных судов приведена в решении Большой палаты очень подробно (по сравнению с первым постановлением Суда), может свидетельствовать о совершенно разных вещах: либо о том, что Суд нарочито доводит до сведения общеевропейского сообщества соответствую-

С другой стороны, Суд отказался «объективировать» претензии заявителей, указав на два обстоятельства: (1) «Суд не имеет доказательств того, что демонстрация религиозного символа на стенах класса может иметь влияние на учеников»; (2) «субъективное восприятие заявительницы само по себе не является достаточным для установления нарушения» указанных норм ЕКПЧ.

В данном случае весьма важным и показательным является то, что Суд отверг субъективные аспекты, признав при этом объективные и недвусмысленно выразив свое отношение к «традициям» и их «увековечению». Повторимся, приведя цитату:

> Европейский суд полагает, что решение о том, увековечивать традицию или нет, в принципе относится к пределам усмотрения государства-ответчика. Кроме того, Европейский суд должен учитывать тот факт, что для Европы характерны большие различия между государствами, которые ее составляют, особенно в том, что касается их культурного и исторического развития. В то же время Суд подчеркивает, что ссылка на традицию не может освободить государство-участника от его обязанности уважать права и свободы, зафиксированные в Конвенции и Протоколах к ней.

Что здесь показательно — с постсекулярной точки зрения? Показательно то, что национальные культурно-исторические традиции (включающие религию в различных ее интерпретациях) *не противопоставлены* правовой традиции, заложенной Европейской конвенцией. В отличие от «секуляристского» подхода, для которого Конвенция (норматив середины прошлого века) является определяющим и формирующим источником современной «культурно-правовой» традиции, противопоставляемой иным, устаревшим (прежде всего религиозно ориентированным) традициям, Большая палата Европейского суда продемонстрировала подход, ориентированный на действующее международное право, и не более того. Она воздержалась от идеологических (как религиозных и секулярно-культурологических, так и антирелигиозных-секуляристских) интерпретаций Конвенции, признав при этом фактический плюрализм культурно-исторических контекстов в государствах-участниках ЕКПЧ. Тем самым Европейский суд, во-первых, не вышел из поля правоприменения как

щую аргументацию, *несмотря на то*, что он ее проигнорировал; либо о том, что Суд специально обозначил ту аргументацию, которую *отверг*.

такового, а во-вторых, остался в пределах своей судебной юрисдикции, охватывающей Большую Европу со всем ее национальным разнообразием.

Ссылка Суда на «отсутствие европейского консенсуса по вопросу о наличии религиозных символов в государственных школах» в данном случае более чем уместна. Она отражает реальную ситуацию, то есть *контекст правоприменения*. Эта ситуация фиксируется, с одной стороны, общеевропейским прецедентным правом, а с другой — прецедентными решениями национальных судов, соответствующими пределам усмотрения государств-участников Конвенции. Европейский суд отвергает как жесткий универсализм международного права и правоприменения, так и недолжный партикуляризм права и правоприменения национального («пределы усмотрения должны сопровождаться европейским надзором»). Таким образом, достигается актуальный баланс между конкурирующими позициями — не в результате «идеологической» победы одной из сторон, а в силу постановления авторитетной европейской судебной инстанции, предложившей правовое обоснование своего окончательного решения.

Об интерпретации (в качестве заключения)

Некоторые интерпретаторы второго решения ЕСПЧ — сторонники жесткого секуляризма — высказываются в том смысле, что это решение было принято «под давлением», то есть что Суд изменил свою прежнюю правоприменительную стратегию в результате воздействия неправовых факторов[30]. Такая интерпретация заслуживает внимания и даже специального рассмотрения, однако здесь мы ограничимся лишь постановкой вопросов, которые эта позиция порождает.

Во-первых, даже если суд «на самом деле» поддался внешнему давлению, каким образом само судебное решение можно интерпретировать как «внесудебное»? А если такое возможно, значит, суд перестал быть судом, то есть следует констатировать коллапс ЕСПЧ с его судебной практикой и переход ее, скажем, в политическое без- и внесудебное поле. Иными словами, разговоры о том, что второе решение Европейского суда по «делу Лаусти» было «продавлено», уже не позволяет анализировать это решение с точки зрения правоприменительной логики.

30. См., например, статьи М. Вентуры и Л. Левинсона в настоящем номере журнала.

С другой стороны, во-вторых, разве суд как инстанция, осуществляющая правоприменение, не должен учитывать актуальное состояние общества, жизнедеятельность которого он регулирует? Не настроения «текущего момента», а именно реальную общественную конфигурацию? Конечно, делать акцент на «состоянии общества» значит впадать в другую крайность (по сравнению с правовым формализмом) и создавать опасность подчинить право некоему самодостаточному «состоянию дел», которое регулируется силовым образом в соответствии с целесообразностью — с точки зрения властных инстанций. Но в таком *крайнем* случае и суда как независимой властной инстанции быть не может, о чем свидетельствует история многих европейских и иных обществ и государств, а потому не может быть и «давления», ибо уже нет никаких свободных общественных сил, которые могли бы такое давление оказывать.

И, наконец, *last but not least*: тезис о «продавливании» второго решения ЕСПЧ утрачивает свою убедительность, если внимательно отнестись к особым совпадающим мнениям четырех судей Большой палаты (из пятнадцати, проголосовавших за), приложенных к постановлению Суда. Ясно, что они были наиболее «активными» сторонниками принятого решения и составляют меньшинство. Но в своих довольно пространных комментариях (все особые мнения в тексте постановления суда занимают 17 страниц из 51) они развивают определенную аргументацию (отчасти нами изложенную), то есть дают развернутое обоснование принятого большинством голосов решения. Там выражена *позиция*, и она содержательная, а не просто «ситуативно-апологетическая».

На наш взгляд, вопрос о «давлении на суд» должен рассматриваться в конкретном контексте. В случае «дела Лаутси» это контекст европейский — плюралистически национальный и общий. В этом контексте в качестве «продавливающей силы» (если вообще использовать «дискурс продавливания», что вряд ли уместно, и не впадать при этом в конспирологию) следует рассматривать прежде всего общественное мнение — если не консолидированное мнение, то по крайней мере значимое, то есть выражающее предпочтения солидных сегментов общества[31].

31. Тогдашний министр иностранных дел Италии Франко Фраттини приветствовал решение Большой палаты Европейского суда по правам человека, заявив, что «победило народное общественное мнение Европы», и подчеркнув, что «это решение освобождает Италию от несправедливых обвинений и отражает стремление граждан защитить собственные ценности и убеждения». А вот одно из свиде-

Суд не вправе через механизмы правоприменения навязывать обществу/обществам определенное представление о правильном и неправильном, об истинном и ложном — что было бы как раз формой индоктринации. В этом смысле в «деле Лаутси» Большая палата ЕСПЧ, отказавшись интерпретировать «секуляризм» и, как следствие, реагировать на аргумент ответчика о недопустимости государственного поощрения секуляристской идеологии, по существу — и, так сказать, по умолчанию — заняла именно позицию «идеологического отстранения». Суд не взял на себя функцию правового обоснования жестких секуляристских претензий и притязаний, которые отражают лишь один из секторов общественного мнения европейского сообщества наций (выражением именно этих притязаний и был иск «Лаутси и других против Италии»).

Совершенно очевидно, что интерпретация распятия на стене школы как «пассивного символа» вытекает из итальянской школьной практики, поскольку она «открывает школьную среду параллельно другим религиям». Реальное обеспечение религиозной свободы и уважения к убеждениям, которое имеет место в школах Италии, а также аргументы ответчика и Суда, касающиеся свободы родителей в деле «идеологического воспитания» и того факта, что сегодня школа обладает гораздо меньшими возможностями влиять на сознание учащихся, чем родители, — все это превращает претензии истицы скорее в гротеск.

Столь же гротескно иск г-жи Лаутси и ее повзрослевших детей выглядит на фоне тех общеизвестных фактов, о которых упоминалось в ходе процесса: существовании государственных религий в ряде европейских стран, а также наличии креста на флагах некоторых европейских государств. Конечно, истица и ее сторонники вряд ли взялись бы утверждать, что в Великобритании, где королева формально является главой Церкви Англии, нет религиозной свободы. Но, следуя их логике, вполне можно ожидать иски

тельств о реакции в итальянском обществе на первое решение ЕСПЧ: «Официальные чиновники, политики всех течений — от левых до правых — и народ высказались и высказываются четко и ясно. Почти во всех муниципалитетах Италии были собрания городской администрации, и они голосовали против решения Страсбургского суда. Были случаи, что распятия не только оставили в школах, но и поместили в залы и комнаты мэрий, где их до этого не было. Предприниматели предложили своим сотрудникам и рабочим повесить распятия в офисах и на заводах». (*Лученко К.* Итальянцы защищают Распятие (интервью с Джованной Парравичини, атташе по культуре Представительства Ватикана в РФ) // Интернет-издание Татьянин день, 13 ноября 2009 — http://www.taday.ru/text/240 030.html, доступ от 22.05.2013).

в ЕСПЧ против Греции, Норвегии, Швейцарии, Грузии и других государств, навязчиво демонстрирующих на национальных флагах (а порой и на логотипах национальных авиакомпаний!) «христианский символ». Хотя с меньшей вероятностью — иск к Турции с ее «исламским символом» вкупе со звездой как символом скорее квазирелигиозного происхождения.

Для того чтобы понять существо «дела Лаутси» в его диахронической целостности, нельзя игнорировать мотивацию истца. Ясно, что такая мотивация не является просто правовой. За апелляцией к определенным нормам права стоит некая интерпретация нормативного блага общества и его граждан, к которому надо стремиться. Эту интерпретацию невозможно уложить исключительно в правозащитную логику отстаивания блага индивида, групп, меньшинств перед лицом превосходящих сил государства и общественного большинства как неких безличных, массовидных сил, по самой своей природе игнорирующих свободу личности. За этой интерпретацией стоит определенный общественно-культурный идеал, а именно идеал тотально секулярного общества. А за этим идеалом — историософская идеология, предполагающая «единственно правильное понимание прогресса человечества», заведомо отрицающее какое-либо позитивное участие в этом прогрессе религии (в данном случае христианства). В этой связи довольно трудно говорить о нечувствительности убежденных и последовательных секуляристов к историко-культурным факторам жизни современных европейских обществ. Наоборот, они более чем чувствительны к этим факторам, которые и подвигают их на идеологическую борьбу посредством существующих судебных инстанций.

Обращение в этой борьбе за лучшее будущее к правоприменительным механизмам тоже показательно. Ибо в данном случае по умолчанию предполагается, что нормы международного права (Европейская конвенция), утвердившиеся в середине прошлого века, то есть на пике европейской секуляризации, являются неким удачным симбиозом права и идеологии; что право, оставаясь только правом, по определению должно работать на ценности некоего однозначно понятого секуляризма как проективной идеологии. Однако сегодня не только в глобальном масштабе, но и в европейских контекстах жесткий секуляристский общественный проект уже не может беспрепятственно эксплуатировать право и правоприменение в своих целях. Ибо нынешняя европейская религиозно-общественная конфигурация — иная по сравнению

с эпохой секуляризационного триумфа прошлого века. Это постсекулярная конфигурация[32]. Именно эту новую конфигурацию и обнаружила вся вышеописанная история с «делом Лаутси»[33].

И, возвращаясь к началу, — еще два слова о «философии права».

Традиционная правозащитная «философия» — защита индивидов и их частных сообществ от посягательств надличностной силы государственных инстанций и «толпы» — в сфере религиозно-общественного регулирования переживает кризис. Ибо сегодня мы имеем дело с новой публичностью религий, с их возрождающейся «массовидностью» — и в смысле все большей значимости религиозной идентификации, и в смысле распространенности самых разных, старых и новых, проявлений религиозности. Либеральная идея индивидуальной религиозной веры и практики — продукт модерна — не покрывает современного религиозного поля, не соответствует его специфике. В социальном пространстве личную веру «вытесняет» индивидуально-групповая конфесиональная идентичность, а пафос защиты индивидуальной религиозной свободы отходит на второй план. И сами жесткие секуляристы оказываются в этой ситуации идеологической (квазирелигиозной) группой, которая, опираясь на прошлые победы, продолжает отстаивать свою цивилизационную стратегию в масштабе национальных обществ, Европы и всего мира. Другую группу составляют сторонники религиозной идеологии — «активисты и акторы десекуляризации» (в терминологии Вячеслава Карпова[34]). И, наконец, третью — мягкие секуляристы («культурологи») с их идеологией реактивной светскости, которые ищут новый баланс между секулярными нормами (идеологическими и правовыми), доставшимися от прошлого, и весьма неопределенным, подвижным «положением религиозно-общественных дел». «Дело Лаутси» лишь проявило конфликт интерпретаций в ситуации новой идеологической борьбы постсекулярной эпохи[35].

32. См. номер журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» с главной темой «Религия в постсекулярном контексте» (№ 2, 2012).

33. Повторимся: если что-то и «продавило» решение Большой палаты, то именно эта новая религиозно-общественная реальность. Имея в виду постсекулярный подход, хочется поставить риторический вопрос: разумно ли делать оценочный выбор между «давлением» реальности и «давлением» идеологии?

34. См. *Карпов В.* Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 114–164.

35. Благодарю Александра Сергеевича Агаджаняна и Дмитрия Александровича Узланера за ценные замечания, сделанные после прочтения первого варианта этой статьи.

Библиография

Тексты постановлений Европейского суда по правам человека

Case of Lautsi v. Italy (Application no. 30 814/06) 3 November 2009 [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search. aspx? i=001–95 589, доступ от 22.05.2013].

Case of Lautsi and others v. Italy (Application no. 30 814/06) 18 March 2011 [http://www.echr.coe.int/echr/resources/hudoc/lautsi_and_others_v__italy. pdf, доступ от 22.05.2013].

Литература

Кардиа К. Европейская религиозная и культурная идентичность. Вопрос о распятии. М.: Центр книги Рудомино, 2011.

Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2.

Лученко К. Итальянцы защищают Распятие (интервью с Джованной Парравичини, атташе по культуре Представительства Ватикана в РФ) // Татьянин день, 13 ноября 2009 [http://www.taday.ru/text/240 030.html].

Пуппинг Г. Лаутси против Италии: Союз против секуляризма // Оссерваторе романо, 28 июля 2010 [http://eclj.org/pdf/Lautsi_v_Italy_RUSSIAN. pdf].

Сырунина Т. М. «Лаутси (Lautsi) и другие против Италии». Постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека от 18 марта 2011 года // Международное правосудие. 2012. № 1. С. 20–24.

References

Cardia, C. (2011) *Evropeiskaia religioznaia i kul'turnaia identichnost'. Vopros o raspiatii* [European Religious and Cultural Identity. The Issue of Crucifixion, translated from Italian]. M.: Tsentr knigi Rudomino.

Karpov, V. (2012) „Kontseptual'nye osnovy teorii desekuliarizatsii" [Desecularization: A Conceptual Framework], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 30 (2): 114–164.

Luchenko, K. (2009) „Ital'iantsy zashchishchaiut Raspiatie (interv'iu s Dzhovannoi Parravichini, attashe po kul'ture Predstavitel'stva Vatikana v RF)" [Italians Defend Crucifixion (Interview with Giovanni Parravicini)], *Tat'ianin den'*. 13, November [http://www.taday.ru/text/240 030.html, accessed on 22.05.2013].

Pupping, G. (2010) „Lautsi protiv Italii: Soiuz protiv sekuliarizma" [Lautsi against Italy: Alliance against Secularism], *Osservatore romano*. 28, July. [http://eclj.org/pdf/Lautsi_v_Italy_RUSSIAN. pdf, accessed on 22.05.2013].

Syrunina, T. M. (2012) „'Lautsi (Lautsi) i drugie protiv Italii'. Postanovlenie Bol'shoi palaty Evropeiskogo suda po pravam cheloveka ot 18 marta 2011 goda" [„Lautsi and Othersv. Italy". Resolution of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights, 18 March, 2011], *Mezhdunarodnoe pravosudie*. No. 1: 20–24.